

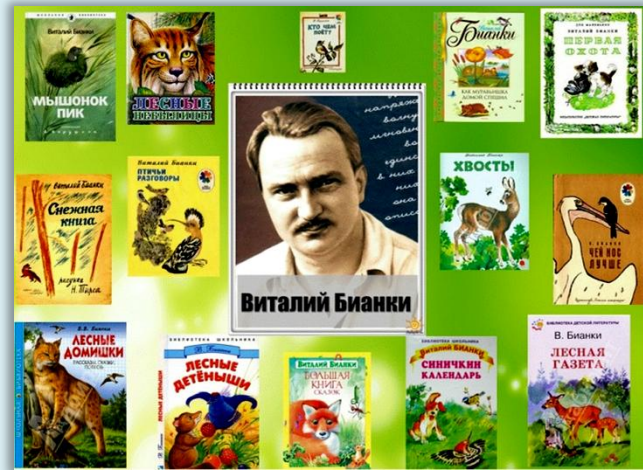
Сказки В. Бианки

Создателем природоведческой сказки по праву считают В. Бианки.

Под его пером сказка перестала быть только носителем морально-этических идей, она наполнилась естественнонаучными знаниями (поэтому свои произведения Бианки называл «сказки-несказки»).

Сказочная фантастика не была для писателя просто развлекательным приемом, в понимании Бианки художественно-поэтическая форма познания мира не менее важна, чем научно-реалистическая.

В рассказе «Глупые вопросы» (1944) описывается разговор между отцом-ученым и его маленькой дочерью. Предметом спора между ними стало разное восприятие

природы: отец познает окружающий мир в категориях объективного научного знания и учит этому свою дочь. Но девочке мало точных определений и научных классификаций. Расспрашивая про птиц, она задает отцу вопросы, в которых отражен поэтический взгляд на мир («Отчего зук кланяется, а плипка хвостиком кивает? Это они здороваются?»). Отцу такой ненаучный подход кажется глупостью («Какие пустяки! Разве птицы здороваются?»).

И только когда отец ловит себя на мысли, что «глупые» вопросы дочери натолкнули его на интересные открытия, он признает значение поэтического взгляда на мир. Этот взгляд позволяет познать природу во всей ее глубине. Вот почему сказка, по словам Бианки, «самый глубинный вид литературы».

Важным достоинством сказки Бианки считал ее острсюжетность, эмоциональную насыщенность и близость к живой разговорной речи – наследство народной сказочной традиции. К ней писатель обращался в собственном творчестве, называя «эмоции, фабульность, простоту языка» тремя китами своей поэтики.

Связь с народной сказкой в произведениях Бианки не была прямолинейной, ведь перед ним стояли иные, познавательные задачи. Но, рассказывая о законах природного мира, писатель не раз обращался к отдельным мотивам и приемам народной сказки, а также пользовался разговорной речью с характерным для нее метким словом. Но не только этим отличаются сказки Бианки. В них есть напряженный повествовательный ритм, художественная игра со звуком и словом, яркая образность – все это характерно для поэтической культуры начала 20 века, на которой Бианки воспитывался и сформировался как писатель.

Традиция двух культур – народной и литературной – определила своеобразие природоведческих сказок Бианки. Материалом для них послужили наблюдения над жизнью различных животных. Особенно много Бианки писал о птицах (отец писателя был известный орнитолог, и в своих научных интересах Бианки шел по стопам отца). Но о чем бы ни писал Бианки, он придерживался правила: изображать жизнь животных не в виде отдельных разрозненных фактов, а в глубоких взаимосвязях с общими законами природы. От них зависят внешний вид и повадки животного, и задача писателя – показать действие этих общих законов на примере конкретных представителей из мира птиц и животных. Сохраняя общее в своих персонажах, писатель избегает безликости, которая чужда самой природе литературного героя.

Индивидуальность начинается с того, что персонаж получает имя. Случайных имен у Бианки нет, каждое имя говорит о принадлежности персонажа к тому или иному виду животных, и в то же время характеризует его. Иногда для имени достаточно большой буквы (ласточка Береговушка) или легкого изменения слова (Муравьишка). Часто встречаются у Бианки имена, которые обыгрывают внешний облик животного (куропатка Оранжевое горлышко). Не редкость у Бианки и звукоподражательные имена (мышонок Пик, воробей Чик). Что же касается черт характера героев, то они писателем только намечены. Гораздо важнее, что они – маленькие, и такая близость к миру детства всегда вызывают живой отклик у читателей.

Сказка «Лесные домишки» (1924) – одна из самых популярных среди произведений Бианки. Причину такого успеха писатель связывал с образом главной героини сказки – ласточки Береговушки. «Отовсюду слышу, что «Лесные домишки» – любимейшая книжка дошколят. Что в ней угадано для маленьких? Мне кажется – большая уютность: все домики, и один другого лучше, уютнее. Маленький герой – еще «глупенький», ничего в большом мире не знающий, всюду тыкающийся носом, как и сами читатели.

Может быть, то доброе, что встречает Береговушку, - слабую и беспомощную в этом огромном, но уже не чужом ей мире» (из дневника Бианки 1946 г.).

Действительно, история странствий Береговушки в поисках домика для ночлега похожа на рассказ о заблудившемся ребенке. Сходство с миром детства обнаруживается уже в первых словах сказки: *«Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки. Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки»*. Чем не детские игры? Но игра продолжается и потом, когда ласточка посещает птичьи гнезда, каждое из которых чем-то похоже на игрушечный домик. Ни один из них не нравится маленькой страннице, и только достигнув родного дома, Береговушка сладко засыпает в своей кроватке.

Детская игра в маленькие домики не исчерпывает содержание сказки. Сюжет о странствиях Береговушки позволяет Бианки развернуть широкую картину жизни птиц на примере рассказа о птичьих гнездах.

Их описания точны и достоверны, но каждый раз наблюдательность орнитолога дополняется взглядом художника. Вот одно из описаний: *«Висит на березовой ветке крошечный, легкий домик. Такой уютный*

домик и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги». Каждое слово эмоционально окрашено и приближено к детскому видению мира. Поэтому

гнезда птиц называются то *«воздушной колыбелькой»*, то *«шалашиком»*, то *«плавучим островком»*. Ни один из этих милых домиков не привлекает Береговушку – чем не привередница из народной сказки? Но Бианки исподволь подводит читателей к тому, что не капризный характер мешает Береговушке найти подходящий домик, а зависимость каждой птицы от определенной среды обитания. На это указывают факты, которые есть в описаниях всех сказочных домиков.

Детские черты есть и в герое сказки **«Мышонок Пик» (1927)**. Его приключения описываются в духе популярных в детском чтении робинзонад. Отсюда интригующие названия глав (*«Как мышонок стал мореплавателем»*, *«Кораблекрушение»*), которые напоминают об опасных морских приключениях. Несмотря на то, что сопоставление мышонка с Робинзоном комично, рассказ о его злоключениях не превращается в шутку или пародию. Речь идет о реальных отношениях в мире природы, участником которых оказывается герой Бианки. Эти отношения достаточно суровы, и сказка служит иллюстрацией существующей в природе борьбе за жизнь. Так страшный соловей-разбойник – это сорокопут-жулан, гроза мышей, который *«хоть и певчая птица, а промышляет разбоем»*. Сам мышонок – представитель определенного зоологического вида. Поэтому домик он строит так, *«как строили все мыши его породы»*, а от верной смерти его спасает не чудо, а *«желто-бурая шерстка, точь-в-точь под цвет земли»*.

Рассказывая о мышинной робинзонаде, Бианки не выходит за пределы природных законов. Это не мешает читателю видеть в мышонке бесстрашного мореплавателя и переживать за исход его приключений. Они завершаются главкой под названием *«Хороший конец»*, и такой конец – важное условие для детской книжки.

Такая же приближенность к миру детства есть и в сказке **«Приключения Муравьишки» (1936)**. Ее герой должен поспеть в муравейник до захода солнца – факт из жизни муравьев. В то же время в поведении героя есть явное сходство с ребенком, который торопится домой до наступления темноты и жалостливо просит о помощи у взрослых. Этим он вызывает сочувствие у всех персонажей сказки, которые готовы помочь попавшему в беду малышу. Кроме того, Муравьишка похож на хитрецов народных сказок о животных: с помощью ловкости и хитрости они неизменно одерживают победу, и герой Бианки в нужную минуту к таким хитростям прибегает.

А вот описание того, как ходит или летает каждый из персонажей, к традиции народной сказки отношения не имеет: речь у Бианки идет о строении насекомых и способах их передвижения. Но, рассказывая о них, писатель не порывает со сказкой – все описания из мира художественной образности. Поэтому крылья у жука *«точно два перевернутых корыта»*,

жужжит он, *«словно мотор заводит»*, а на нитке, что гусеница дала, можно весело покачаться как на настоящих качелях. Сравнения, которыми часто пользуется Бианки, не только соотносят неизвестное с известным ребенком, но и вносят в повествование элемент игры.

Игра продолжается и в звукоподражании, а также в использовании метафорических выражений и поговорок. Так, о закате сказано: «Солнышко уже краем землю зацепило», а о переживаниях героя: «Хоть вниз головой бросайся». Все это позволяет сохранить в повествовании на познавательную тему атмосферу настоящей сказки.

Из народной сказочной традиции взял Бианки тип героя-хвостуна. Такой хвостушка – щенок в сказке **«Первая охота» (1924)**. Он посрамлен тем, что все животные и птицы сумели от него скрыться. Рассказ о том, как животные укрываются от врагов в природе, похож на описание детской игры в прятки, только играют в нее не дети, а звери. И «играют» они по правилам, подсказанным самой природой. Рассказано об этих правилах в образных сравнениях. *«Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял. Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пестрый лоскут, и торчит из него кривая игла».*

Совсем другой хвостун – в сказке **«Росянка – комариная смерть» (1925)**. Это типично сказочный герой, хвастливо распевающий песню о своей неуязвимости. И если глупого Щенка автор пожалел (уж больно в нем много детского), то хвастливый комар наказан, но вполне естественным образом – он стал жертвой болотного растения.

Не раз обращался Бианки к характерному приему народной сказки – загадке. Иногда загадка звучит уже в заголовке («Кто чем поет?», «Чьи это ноги?»). Разгадать их не просто, потому что загадка усложняется игрой в парадоксы.

Сказка **«Кто чем поет?» (1923)** начинается с парадокса: *«Вот послушай, чем и как поют безголосые».* А разве безголосые могут петь?

Так возникает новая загадка. *«Слышно с земли: будто в вышине барашек запел, заблеял».* Поющий в небе барашек – это бекас. Но тут же новая загадка: чем он поет? И новый парадокс – хвостом.

На читателя обрушивается целый хор голосов, которые Бианки воспроизводит средствами звуковой игры и ритмическим построением фразы. *«То тише, то громче, то реже, то чаще трещотка трещит деревянная»* (это об аисте). *«Вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилковатыми жесткими крылышками, словно струна гудит»* (это о шмеле). Но звуковая игра имеет и самостоятельное значение. *«Прумб-бу-бу-бумм»* - это кто? Не обязательно сразу искать реалистического объяснения, это говорит на своем языке чудесный мир природы.

Передача звуков животных в сказках Бианки не сводится к натуралистическому звукоподражанию (хотя на этом основывается). Не менее важны для писателя поэтическое и игровое преобразование мира. В сказке **«Птичьи разговоры» (1940)** звуки птичьих голосов легко переходят в стихи и прибаутки, которыми густо пересыпано повествование в сказке.

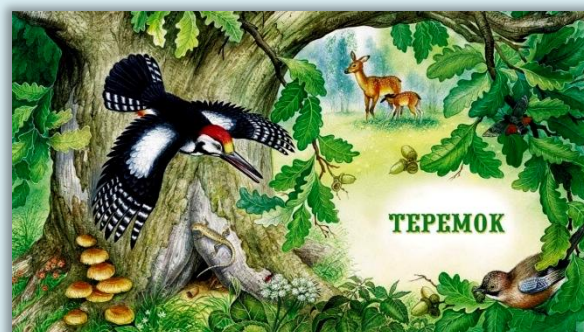

Многие народные сказки о животных повествуют о спорах зверей за первенство, и выглядят они как непрерывный диалог между спорщиками. Немало таких споров и в сказках Бианки. Аргументами в них служат природные закономерности (**«Чей нос лучше?» (1924)**).

Об этих закономерностях Бианки рассказывает во многих сказках. Одна из них – **«Теремок» (1929)** - написана в традиции народных кумулятивных (цепевидных) сказок. Для этой разновидности сказок характерно присоединение одинаковых звеньев, завершающееся гротескным

финалом.

Однако сказка Бианки не повторяет народный «Теремок». Писатель откровенно играет с традицией: его «теремок» оказывается дуплом лесного дуба, в котором находят временное пристанище обитатели леса. Так народная сказка в изложении Бианки становится иллюстрацией природных закономерностей.

Как и сказка **«Сова» (1927)**, рассказывающая о неразумном желании человека прогнать сову. Подобно кумулятивным сказкам здесь выстраивается цепочка, но в соединении ее звеньев есть объективная логика: ведь речь идет о пищевой цепочке. Так сказочный парадокс (улетят совы – не будет молока) получает вполне научное подтверждение.

Есть у Бианки сказки, в которых тому или иному природному явлению дается не научное, а мифологическое объяснение. Традиция таких сказок восходит к мифологическим рассказам. Некоторые из них Бианки слышал и записывал сам, во время своих поездок.

В цикле **«Сказки зверолова» (1935)** нашли отражение записи сказочного фольклора, которые Бианки сделал у остяков. В сказке **«Люля»** рассказывается о том, почему у этой птички, обитающей на

севере, красные глаза и клюв. Народная мифология связала внешний вид птицы с происхождением суши. Маленькая бесстрашная птичка, ныряя на большую глубину, достала со дна моря щепотку земли и спасла тем самым все живое.

Некоторые сказки Бианки посвящены описанию годового природного цикла. Картина годового цикла есть в маленьком сказочном «романе» **«Оранжевое горлышко» (1941)**, рассказывающем о жизни куропаток.

Бианки называл это произведение «маленьким гимном Родине», тесно связывая знание природы с чувством любви к родной земле.

